

Таким ли должен быть культпросветработник

В марте 1956 года в Андомский Дом культуры прибыл выпускник Кирилловской культпросветшколы Володя Мартыненко. Он стал инструктором-массовиком. Ему же поручили руководить хором. Участники художественной самодеятельности радостно встретили нового товарища.

— Ну, наконец-то, — решили мы, — пойдет у нас дело! Молодой специалист, комсомолец — такого мы давно ждали.

Но Володя думал совсем не о том, как помочь комсомольцам. Его мысли, оказывается, были заняты другим — как бы поскорее уехать из Андомского Погоста. Видите ли, ему не понравилась ни работа, ни Дом культуры, ни район.

И, надо сказать, Мартыненко упорно добивался своего. При этом он не дорожил ни честью комсомольской организации, ни честью школы, которая послала его на работу, отрезавшись даже от своей профессии. Когда же его начинали стыдить, цинично отвечал, что в культпросветшколу он пошел лишь для того, чтобы, подучившись там игре на баяне, попасть в музыкальное училище.

Юношу пытались поправить работники райкома комсомола и активисты Дома культуры. Но от него каждый раз слышали один ответ:

— Не отпустите? Все равно уеду! За это теперь не судят.

И он, действительно, уехал. «Проработав» у нас четыре месяца, один из которых затратил на подготовку к экзаменам в музыкальное училище, Мартыненко бежал без разрешения, без документов.

Но самое печальное, что Мартыненко оказался не одинок. Его примеру последовала и художественный руководитель Дома культуры Н. Блохина. Уехав в отпуск, она не вернулась — к нам и сейчас письменно запрашивает свои документы.

Так ли должны поступать люди, призванные воспитывать молодежь, нести культуру в массы, разъяснять им политику партии, всемерно помогать трудящимся в их борьбе за подьем народного хозяйства?

Мне кажется, что есть основание серьезно подумать о работе областной культпросветшколы. Ведь ее, что скрывать, часто недобрым словом поминуют труженики и районных центров, и колхозных сел.

Не потому ли учебное заведение нередко выпускает людей, не любящих и не уважающих свою работу, не способных к культурно-массовой деятельности, что условия приема в него неверны? В школу попадают те, кто удовлетворительно сдаст приемные экзамены. Склонности же поступающего не учитываются.

Бесспорно, нельзя не учитывать общеобразовательных знаний человека, когда он поступает учиться, чтобы приобрести специальность. Но как же можно не интересоваться наклонностями будущего специалиста, его характером, тем, способен ли он вести живую и сложную работу с людьми, есть ли у него талант организатора?

И еще вопрос. На местах, в очагах культуры, мы ждем специалистов, которые умеют делать многое: и играть на каком-либо инструменте, и петь, и проводить

репетиции кружков, и печатать лозунги. Культработнику придется оформлять сцену и даже готовить декорации, гримировать. Нам нужны руководители духовых и струнных оркестров, костюмеры, конферансье, исполнители ролей.

Пока же культпросветшкола, к сожалению, чаще всего присылает работников беспомощных, не способных ни к какому практическому делу. Мы надеемся, что человек со специальным образованием многому научит нас, а на практике выходит, что рядовой участник художественной самодеятельности подчас знает больше его.

За примерами далеко ходить не надо. Приехала в наш район выпускница культпросветшколы тов. Вдовиченкова. «Поработала» в двух сельских клубах и совершенно развалила всю культмассовую работу — она ничего не умела делать!

Нам кажется, что обучение в культпросветшколе ведется оторвано от практики. Прежде всего надо изменить систему приема в учебное заведение. На учебу следует посылать людей, хорошо справляющихся с работой в сельских клубах, талантливых комсомольских активистов, лучших участников художественной самодеятельности, не имеющих специального образования. Кроме этого, нужно серьезно пересмотреть учебную программу и больше внимания уделять тому, что требуется в жизни.

А. Яшин.

инструктор Андомского райкома ВЛКСМ.